

Олег Логачев
Новосибирск

Ну а теперь немного о себе.

До 92-го вел жизнь рядового инженера, после чего нелегкая пошла меня по газетам — естественно, не как журналиста, а как человека, который эти газеты делает. Из трех газет я ушел по собственному желанию, из четвертой — тоже по собственному, но уже не своему, а хозяина газеты. После чего и осел в одной частной типографии, и занимаюсь в ней тем, что доводжу до ума то, что творят дизайнеры. А дизайнеры, надо сказать, люди темные, и если прямо запустить на печатный станок их творения, то получится вовсе не то, что они наговорили, а полная ерунда. И вот моя задача — сделать так, чтобы на печатном станке получились-таки то, что они задумывали, а не то, что у них получилось. Кстати, только благодаря тому, что я работаю в типографии, и удалось сделать тринадцатый номер «Той стороны» таким, каким он получился (не в смысле содержания опять-таки, ответственным за этот номер был Равель, его и бейте — а в смысле полиграфии — цветная обложка там, то-се... Аплодисменты принимаются. Спасибо.). Четырнадцатый, боюсь, таким уже не будет. Кризис, да-с.

«Самая-самая» из книг Владислава Крапивина для меня — «Трое с площади Карронад»; самая светлая его книга (на мой взгляд, конечно), несмотря на то, что и пережить и Славке, и Тиму приходится немало, и конец ее не такой уж все-таки и радостный — а печали нет, а все будет хорошо — и не вопреки жизненной правде, а в полном согласии с ней.

Юлия Налбандян
Ростов-на-Дону

Всем — здравствуйте!

АНКЕТНЫЕ ДАННЫЕ крайне просты: родилась 3 октября 1965 года, но «предписанному» мне знаку Весов абсолютно не соответствую. Благополучно закончила механико-математический факультет РГУ, защитила кандидатскую диссертацию (ну как себя не похвалить!!!) и работаю в родном университете (пытаюсь учить студентов математическому анализу). Никаких потрясений и разочарований в жизни, никаких экстремальных ситуаций, никаких предательств со стороны близких людей. К «ушибленным одиночеством» себя ни в коей мере не причисляю, вокруг много хороших товарищей, есть надежные друзья. Характер отнюдь не «нюрдический», выдержки и уравновешенности нет и в помине. С чувством юмора вроде бы все в порядке, сама над собой с удовольствием подсмеиваюсь, но «подколы» со стороны воспринимаю далеко не всегда (ну прямо Сирано де Бержерак в юбке!).

К жизни отношусь примерно так же, как Сережка Каховский — «Хороших людей все равно больше, просто они менее заметны». В людях предпочитаю ориентироваться на их «хорошие стороны» (наверное, поэтому так и не восприняла полностью «Синий город на Садовой»). В жизни пытаюсь следовать Грину и Крапивину — «В жизни места нет чудесам, хочешь чуда — будь Всадником сам» (но в альтруисты меня тоже не запишешь). Не люблю людей равнодушных, не переносю хамства и безаппеляционности. Религиозным духом не прониклась, хотя и к воинствующим атеистам не отношусь («если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно»). Считаю, что человек сам хозяин своей судьбы, что главное — правильно распорядиться всеми шансами, которые предоставляет жизнь. Никогда не считала себя «человеком действия», из-за этого порой лишалась общения с интересными людьми, которые ждали от меня не восторженной болтовни или вопросов, а работы. Но вот Олег Логачев своей идеей меня «завел».

МОЙ КРАПИВИН — тема для отдельного разговора (думаю, что еще появится мой опус об этом). В разные моменты жизни обращаюсь к самым разным его книгам (скажем, одно из лучших лекарств от хандры — «Бегство рогатых викингов»). Чаще всего перечитываю «Мальчишка со шпагой», «Трое с площади Карронад», «Голубятню...», «Журавленка...». Из цикла о Великом Кристалле — «Сказки о рыбаках и рыбаках» и «Гуси...».

ИНТЕРЕСЫ. В музыке — то, что «греет душу» (чаще всего классическая музыка, авторская песня — Голубничий, Ким, Окуджава, Визбор... От «умного» рока (Гребенщиков, Шевчук) не шарахаюсь, зарубежных исполнителей и сегодняшнюю эстраду практически не знаю). Очень тепло отношусь к Владимиру Спивакову — и как к музыканту, и как к человеку. В кино — люблю и фильмы Тарковского, и некоторые боевики. Любимые актеры — Дастин Хоффман, Жан Марс. Любимый фильм (на сегодня) — «Орфей». Незаметно для себя «заболела» фантастическим сериалом «Вавилон-5». Читаю много, но все попытки составить «любимую десятку» безрезультатны — все зависит от настроения. На данный момент: настольная книга — «Белые одежды» В.Дудинцева; цитирую чаще всего Сент-Экзюпери («Планету людей»), Дика Френсиса и Владимира Санина (а с некоторых пор почти все рассуждения разбавляю фразами из «Вавилона-5»). Грин (прежде всего — «Золотая цепь» и «Бегущая по волнам»), Булгаков, Достоевский, Хэрриот, Пушкин... Любимого поэта тоже не назову — у очень и очень многих есть дорогие мне строки.

Много путешествую по стране — конференции, друзья (раньше еще турпоездки были). Любимые города — Санкт-Петербург, Каменец-Подольский, Севастополь, с каждым из них связаны истории, которыми готова с удовольствием поделиться.

Вот, вроде бы и «портрет» полностью готов. «Я — это я, никто иной...» А на «закуску» — еще одна цитата (как все уже догадалась, из «Вавилона-5»: «Вселенная помещает нас туда, где мы можем учиться. Эти места никогда не бывают легкими — они правильные. Где бы мы ни были, это правильное место и правильное время.»

№ 1
ЯНВАРЬ
1999 г

ВСЕМ ДОБРЫЙ ДЕНЬ!

Олег Логачев, Новосибирск
Юлия Налбандян, Ростов-на-Дону
Олег Гилязов, Уфа

Все мы пришли к «Лощману» разными путями, и каждый, узнав о клубе, представлял его себе по-своему, ожидая найти здесь то, в чем так отчаянно нуждался он сам.

Многие из нас нашли то, что искали — друзей (и не только заочных!); они почувствовали, что не одиноки на свете, что людей «одной с ними крови» не так уж и мало.

Многие, но не все. Кто-то не нашел в клубе дела по душе и замолчал после одного-двух писем; кто-то разочаровался в своих заочных знакомых — реальные люди могли не ответить на письмо, оказывались не такими уж интересными собеседниками, просто не теми, кто был так нужен.

Но остались и те, кто, отчаянно нуждаясь в друзьях, боится показаться навязчивым, и не получив ответа на первое письмо, не решается отправить следующее; неужели же «Лощман» так и останется для них всего лишь списком из полуплутра сотен адресов да альманахом раз в полгода-год? И тогда нас вновь посетила чебурашкина идея — идея, приходившая в голову «лощманов» и раньше, но как-то не ставшая делом. Нам нужен домик друзей для тех, кто одинок. А поскольку живем мы все за тысячу километров друг от друга, таким «домиком может стать только газета. Наша общая газета, да «лощманов» и о «лощманах».

В этом «домике» желающий высказать наболеее найдёт внимательных слушателей; желающий поспорить —

Мы с нетерпением ждем ваши письма. Но прежде, чем вы бросите их в почтовые ящики, давайте условимся о некоторых правилах — чтобы между нами не возникало никаких недоразумений и обид:

- Мы считаем, что все письма, пришедшие на адреса «Голоса», Вы хотите увидеть в газете. Если Ваше письмо (или его часть) носят личный характер и не предназначены для публикации — обязательно оговорите это. Скорее всего, мы не сможем ответить лично на все поступающие письма. Однако если ответ Вам необходим — личный, или через газету — напишите об этом; куда ж мы тогда денемся?..
- Давайте не только слышать, но и видеть друг друга! Пожалуйста, пришлите вместе с письмом свою фотографию.

активных сторонников и яростных оппонентов; желающий делать дело — да выше кричи! Только от нас зависит, будет ли газета жить. От нашего желания говорить друг с другом. От нашего желания услышать друг друга. От нашего желания понять друг друга. Потому что мы зовем вас не в готовый домик — мы зовем вас строить его. Без вашего участия, без ваших писем, без вашей помощи нашей затее обеспечен блестящий провал!

Когда мы только начинали делать этот номер, нам хотелось, чтобы он был интересен всем, кто возьмет его в руки. Были разные идеи, пока мы наконец не поняли: если уж «Голос» должен помочь услышать друг друга тем, кто сейчас одинок, то пусть этот номер и будет об одиночестве и о поиске друга.

Мы еще даже не представляем точно, какие разделы будут в газете — все зависит от ваших писем, от ваших пожеланий. Разумеется, в первую очередь — ваши письма, ваш — **наш!** — разговор друг с другом. Возможно, кто-то захочет рассказать о себе — тогда появятся «Автобиографии», о своих увлечениях — и будет «Хобби»; вероятно — «Книжная полка», с рассказами о любимых авторах, о книгах, которые понравились вам, и которые вы рекомендуете прочитать остальным. Мы, в свою очередь, постараемся дополнить ваши рассказы материалами из «Интернета», которые пока что большинству — увы! — недоступны. Интересные — возможно, спорные — предложения есть у **Василия Коженикова** — его письмо на с. 7.

И не мучайтесь сомнениями, что письмо ваше будет нескладным, а ваши мысли никому не интересны — таланта написать десяток-другой строк достанет каждому, а о своем увлечении любой человек всегда сумеет рассказать так, что поневоле заслушаешься (по себе знаешь).

Пишите нам! Того, кто молчит, уж точно не услышат!

Все фотографии мы обязательно вернем.

- Первые 2-3 номера мы обещаем отправить всем, чьи адреса есть в списке клуба. Если вы захотите получить «Голос» и дальше (или, наоборот, категорически отказываетесь от него) — пожалуйста, откликнитесь! И — если у Вас есть такая возможность — вкладывайте в ваше письмо один-два чистых конверта. (Признаем уж, что мы не Крезы, и рассылать по сто с лишним писем даже раз в месяц для нас довольно накладно.)

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ

по адресам:

Олег Гилязов:

450000, Уфа, а/я 1375

E-mail: winner@ufanet.ru

Олег Логачев:

630005, Новосибирск,

ул. Гоголя 21а, кв.2.

E-mail: duric@online.nsk.su

Юлия Налбандян:

344090, Ростов-на-Дону,

ул. Зорге, 28/1, кв.166.

E-mail: Nalb@math.rsu.ru

Огромная просьба — пишите на тот адрес, откуда к вам пришла газета!

«ВАМ НУЖНЫ ПОМОЩНИКИ?»

Ну куда же мы без них?! Мы и не надеялись вытянуть такое дело втроем, а с самого начала рассчитывали на посильное участие всех членов клуба.

Прежде всего нам нужна помощь тех, кто хочет вместе с нами делать газету и готов войти в редакцию «Голоса». А поскольку все мы находимся в разных городах, работать вместе можем только через сеть «Интернет». Поэтому доступ к «Интернету» — обязательное условие для желающих присоединиться к нашей «виртуальной редакции».

Какая же работа их ждет?

- Вводить все полученные ими от читателей «Голоса» письма в компьютер и рассылать остальным членам редакции.

- Участвовать в обсуждении всех писем и статей, подготавливаемых для текущего выпуска газеты. (Те, кто умеет верстать — ваша помощь будет просто бесценной!)

- Рассылать готовые номера газеты остальным членам клуба.

Мы с радостью примем помощь от всех, кто имеет доступ к множительной технике — копирам, лазерным принтерам — и может сделать хотя бы несколько копий газеты.

ВДВОЕМ

Подобно ребенку на рождественской елке, каждому человеку при рождении в обязательном порядке вручаются дары, с которыми он волен поступать по своему усмотрению.

Первый он получает из рук бога (или, если хотите, Природы). Это — дар обособленного бытия, обре- таемый в тот самый миг, когда рвется пуповина — последняя материальная связь с материнским те-

А.Хараш

Подобно смерти, одиночество является нашему сознанию в клубке из досу- жих домыслов, страхов, предрассудков и суеверий, до того плотном, что подлинная суть явления остается скрытой от нас даже тогда, когда оно становится зримой реальностью. Подобно страху смерти, страх одиночества выступает одним из ведущих стимулов и регуляторов наших поступков, действий и бездействий. Подобно угрозе смерти, угроза одиночества, еще даже только предвидимая, в огромных количествах отнимает у нас энергию и жизненную силу. Причем из этих двух страхов последний, похоже, базовый и первичный. «В смерть каждому приходится уходить одному», — сказал однажды Соломон Михоэлс. Не боимся ли мы смерти именно потому, что она мыслится, за неимением других образов потустороннего бытия, как полное, окончательное и бесповоротное одиночество?

Обыденное сознание понимает одиночество как социальную изоляцию, как своего рода духовную кончину, вызванную разрывом связей с окружающими людьми: чем меньше у вас контактов, тем более вы одиноки, тем больше у вас шансов умереть для общества, — тогда как дело тут не в самом одиночестве, а в тех чувствах, которые оно вызывает. Одиночество, как и смерть, становится бедствием и проклятием, когда оно неправильно понято и истолковано.

А между тем личность — это одиночество, которому круг людей, его окружающих, придает определенность формы бытия. Вы совершенно одиноки, это нужно понять. Как только человек начинает осознавать, он становится одиноким. И чем выше сознание, тем глубже осознание одиночества.

Человек, который жалуется на одиночество, невольно

грешит на словах против истины, ибо пользуется словом «одиночество» для того, чтобы поделиться ощущением неподтвержденности своего бытия. Если бы он постарался найти точное слово для обозначения причины своих тревог и депрессий, то это было бы вовсе не «одиночество», а оставленность, забытость, покинутость, незамеченность, невниманье, — иначе говоря, неподтвержденность. Но это — совсем другое дело. Ибо одиночество — наше естественное состояние, тогда как неподтвержденность, как бы мы ее ни называли, — разрушение бытия и нарушение естественного хода вещей.

Да, человеку недостаточно существовать — ему необходимы убедительные доказательства того, что он существует на самом деле. Недаром такой умный и искушенный философ, как Рене Декарт, испустил на эту тему тысячи страниц. И не зря уже в наши дни И.С.Кон начинает одну из лучших своих книг — «В поисках себя» — странным вопросом, с которым студент-философ обращается к преподавателю: «Скажите, профессор, я существую?» Не только Декарт и не только этот чудаковатый студент — все мы рождаемся с невысказанным и чаще всего не высказываемым на протяжении всей жизни вопросом о достоверности собственного бытия и, соответственно, с невысказанной потребностью разрешить свое экзистенциальное сомнение. Потребность в

Человек, назвавший себя одиноким, достоин не сострадания, а белой зависти сорадавания, ибо это значит, что он пришел к осознанию реальности своего бытия и обрел безграничный простор для созревания и развития. Так что не спешите сострадать, когда ближний твой объявил себя одиноким; и не жди сострадания, когда признаешь одиноким самого себя. Ибо твоё признание преисполнит сочувствием одних только людей недалеким и поверхностным. «У меня теперь страстная потребность в одиночестве», — записал как-то раз у себя в дневнике П.И.Чайковский. Вряд ли нашел бы ты его среди сострадающих твоим жалобам.

Если ты чувствуешь себя одиноким, назови вещи своими именами. Признайся, что ты покинут; признайся, что ты оставлен; признайся, что ты не понял; признайся, что ты не принят; признайся, что ты гоним. Это значит, что твоё жизненное пространство сжимается до объема твоего тела. Тебя загоняют под твою собственную кожу, заставляя тем самым осознать изначальную истину: я — одинок. Но ты сопротивляешься, ты не желаешь этого осознания, тебе бы хотелось по-прежнему жить в неведении и невежестве. Вот это и есть подлинная причина твоего отчаяния, твоего дурного расположения духа.

подтверждении — так можно обозначить это изначальное стремление человека.

В первые дни, месяцы, годы после рождения человек попросту слишком слаб, неумел, беспомощен, чтобы остаться наедине с собой.

Со временем он становится все более сильным физически, умелым и смысленным, но для того, чтобы утвердиться в достоверности собственного бытия, ему все еще нужны другие люди — их глаза, уши, руки, память. На этих двух ступенях одиночество не напрасно страшит его и пугает: в младенчестве оно несет ему физическую гибель, в детстве — психическую.

Знаменитый английский психиатр Лэйнг утверждал, что ранняя шизофрения развивается у детей не из-за жестокого обращения, как думали раньше, а под действием мелких и, казалось, незаметных неподтверждений — от недослушиваний, невнимательных взглядов, сопровождаемых дежурной улыбкой, от неласковых рук, которые глядят ребенка по головке только для того, чтобы от него отделиться. Душевнобольной ребенок может вырасти и во внешне вполне благополучной семье, если он растет вне фокуса подлинного, неподдельного родительского внимания, иными словами — без родительской

Владислав Крапивин

ВСАДНИКИ

Я у книжки не помню названия. Книжка — вихрь из атак и погонь. Я читал, как сбруей позванивал Потерявший всадника конь.

Конь ушел. А мальчишку взяли. Был коротким у белых допрос. Руки тонким ремнем связали, Повели на крутой откос И поставили там над кручей... Серебристы, но не легки Выползали из ножен тягуче Их оточенные клинки.

Становился я злым и упорным, Злой прищур не сходил с лица. Я отбрасывал книжку в сторону, Я хотел другого конца. Как травинка в заснеженном садике, Как росточек сквозь синие льды, Пробивалась надежда на всадников, На спасителей от беды.

Мы тогда не очень умело Разбирались в героях книг. Были красивые. Были белые. Были наши. И были враги. Наш — от того, кто всегда готов К другу мчаться стрелой на помощь В дробном грохоте конских подков.

Что ж! Они не обманут доверия! Видел я в мальчишеском сне, Как ковбой в выжженной прерии, Торопясь, сядли коней. И, играя литыми кольцами, Подгоняя мустангов лихих, Распускали арканы кольцами Мексиканские пастухи.

Грохотали шрапнельные гроздыя, Мчались всадники в пыльный зной, И буденовы с синими звездами Кольялись серой волной. Мушкетеры, Спартак, Айвенго И чапаевцы в бурках седых Вылетали одной шеренгой На песчаный крутой обрыв.

И мальчишка вставал опять. Саблю брал и шел воевать... Но в ответ на твою беду Эти всадники не придут.

В жизни места нет чудесам. Хочешь чуда — будь всадником сам! Чобы на помощь друзьям ввязаться, Чобы подлость узлами вязать, Чобы в руки врагам не дасться, Чобы сыну потю сказать: «Помнишь песню о зимнем садике? О травинке среди зимы? Жили-были на свете всадники, Жили-были на свете мы.

Вся земля гудела под нами, Были ночи, как колья отточенны. Были кони копьем в камень, Искры сыпались по обочинам. Знали кони лихую выучку. Не успеет смолкнуть труба, Как мы мчались уже на выручку К тем, кто звал нас. Где шла борьба.

Мальчик, думаешь, нет тех дех? Или , думаешь, нет коней? Время есть! И лошади есть! Да и порох не вышел весь!»

«...без газеты, убежден, стало хуже...»

Василий Кожевников
с.Русский Турек

Мысли о газете. Во-первых, конечно, всецело — за! И действительно — «везущему сей воз не позавидуешь», я бы, например, не потянул. К тому же надо быть готовым к, скажем так, мелким неожиданностям. Надеюсь, известна история с «Командором» Лены Овчинниковой — напор критики оказался слишком сильным... Однако без газеты, убежден, стало хуже. А статьи, потенциальный орган предполагается как некое продолжение «Командора» или что-то совершенно новое? Хотя, честно говоря, не очень представляю, что может быть такого уж «совершенного»... Если это, конечно, реально было бы, очень бы мне хотелось узнать сначала мнения (по поводу) многих логманитов (заинтересованных). Да и им, вероятно, тоже. Хотя бы частично отталкиваясь от опыта безвременного угасшего вышеупомянутого органа... Сдается мне, все, кто получал газету, были **за** ее существование. Так что за возрождение, возникновение подобной — вряд ли только я. Желаю успеха!!!

Тогда возникает второй вопрос (а следом и прочие): какой она должна быть? Не в смысле содержания — тут я согласен: письма и высказываемые в них мнения по разным поводам, — а в смысле — какие они, эти самые разные поводы будут. Я где-то уже упоминал, что совсем неплохо было бы двум редакциям, альманаха и газеты, определиться (при условии существования того и другого), [Моё личное мнение — сохранить название «Командор», объяснив, что к чему, и не забыв по благодарить Лену Овчинникову за начинание (хорошо бы начать с ее мнения по поводу воссоздания)] кому какие рубрики отдавать в приоритетном порядке, активно обмениваться материалами (дабы не было накладок, в этом случае очень неплохо было бы все рубрики разделить и конкретизировать). Может быть стоит выпустить в свет нулевой номер — с твоими (как решившегося взяться за это) планами на ближайшее время, вопросами, предлагаемыми темами, рубриками;

плюс мнениями, предложениями тех, кто уже успеет тебе их прислать.

Вот я, допустим, не очень уверен, что все полторы сотни членов клуба смогут, или захотят ежемесячно отправлять свои мнения в редакцию, дабы было с чего «разгуляться» создающим газету: многие любят читать гораздо больше, чем писать. Да и жизнь нынче не очень сладкая...

Мне были бы интересны рубрики: «Я и ВПК», где каждый — все что угодно о нем и его книгах; «О себе сам», то есть нечто автобиографическое; «Стихи ВПК, сценарии фильмов «Каравеллы», интервью его в изданиях не «ТС»; «Творчество логманитов»; «Хобби — не то слово...»; «Обо всем понемногу», где каждый мог бы высказывать мысли, пусть отдаленно, но навеянные творчеством ВПК; «С миру по нитке» — фантастическая идея для желающих создавать продолжение какой-либо вещи ВПК в его же стиле (разумеется из самых удачных вариантов выбирать лучший) — с точки зрения того/тех, кто... возьмется выбирать; «Игра с продолжением» — это как в первых «Следопытах» — из номера в номер с загадками, головоломками, кроссвордами и пр. — на основе произведений ВПК (или даже не обязательно его) (у нас вроде любят «Поля чудес»!!!), если, конечно, появятся желающие и если возможно будет на страницах газеты печатать не только слова, но и рисунки.

Все так пестрит словом «если», что просто... грех не добавить еще парочку-другую. Если найдется хоть еще один заинтересовавшийся, я, возможно, попробовал бы взяться за последнее. Однако, главное в такой игре — сценарий, а не воплощение, которое можно сделать путем нехитрого преобразования иных головоломок и разных «следопытских» штук; ну и, конечно, достойная развязка, финал.

Вот такие вот мечты, мечты, мечты... Это по возможному содержанию (газеты, или альманаха — даже не смогу сказать точно... ладно, на первых порах следует разбрасывать побольше идей, дабы было из чего выбирать), а ведь стоит подумать и о способах распространения, если, конечно, будет что...

НЕ ПРОГЛЯДЕТЬ БЫ НАМ ДРУГ ДРУГА

драгоценнее уз, соединяющих человека с человеком», да, «земля богата потаенными оазисами дружбы». Но необходимо уметь дружить — а для меня сейчас это значит прежде всего отдавать себя. У Крапивина, кстати, такая идея почти везде прослеживается — герой, почувствовавший плечо Друга, обязательно постарается подставить свое плечо другу (примеры можете искать сами — их много).

II

Очень «болевой» момент — идеал и реальность... Истина «не сотвори себе кумира» слишком банальна и почти невыполнима. У всех нас есть любимые литературные герои, есть кумиры (без этого нельзя!). Но Идеал — нечто недостижимое (вспомните фильм «Формула любви», мечту героя об оживлении статуи и появлении реальной, земной девушки, затмившей всю «божественность»). Для себя я очень давно решила (только не примите за самолюбование) — обожествлять, идеализировать полностью никого нельзя. Ни друга — у каждого человека есть свои проблемы и свои недостатки, с чем-то стоит «сражаться» (если это принципиально, а обладатель «негативных качеств» тебе дорог), на что-то (не столь существенное) можно закрыть глаза (сколько в 14-15 лет у меня было разрывов с людьми, с которыми не сходилась не чтобы во взглядах на жизнь — всего-навсего в отношении к какому-то музыкальному стилю! — хорошо, что во время образумилась). Ни любимого писателя — он тоже человек, у него своя жизнь, свои друзья, своя семья, свои проблемы... Ричард Бах как-то заметил: «Чтобы узнать писателя, нужно не лично встретить его, а прочитать то, что он пишет. Только в том, что напечатано, он — самый чистый, самый правдивый, самый честный». Может, подсознательно понимаю это (Баха я открыла для себя не так давно), я никогда и не стремилась в Свердловск-Екатеринбург (хотя пару раз предполагаемая встреча с Владиславом Петровичем мне и снилась). К тому же несколько лет назад пришло понимание того, что праздные «поклонники» могут вывести из себя кого угодно («Я мог только напугать их моей похвалой, заставить воздвигнуть стену из «Рад, что Вам понравилась моя книга» от моего вторжения» — опять-таки Бах). Убедилась я и в том, что все ценят «человека действия»: были попытки познакомиться с теми, кто воплощал идеи Крапивина (и не только) в жизнь, но эти люди, убедившись, что я не ринусь сию же минуту в работу, быстро теряли ко мне интерес.

Словом, в жизни я старалась (и стараюсь) избежать разочарований, точнее, «снятия с пьедестала» людей, которые мне дороги. Но это не значит, что, подобно улитке, я прячусь в свою скорлупу. Благодаря «Книжному обозрению» у меня появились друзья, также увлеченные творчеством

Крапивина (это еще до «Лощмана» было), потом появились знакомые в клубе... Не со всеми, правда, перелиска наладилась — иногда сказывалась нехватка времени, иногда что-то не «стыковалось» (увлечение творчеством одного писателя — отнюдь не гарантия взаимопонимания)... Но есть «лощманиты» (нравится мне этот термин Василия Коженикова), без заочного разговора с которыми я уже не представляю своего существования (что думаю они — не знаю). «Некоторые мои самые близкие друзья — это люди, которых я никогда не встречу» — снова Ричард Бах.

Вот интересно, никто не задумывался: а может ли принадлежность к «Лощману» стать паролем? Ты приезжаешь в незнакомый город, находишь там адрес... Я была бы рада такой встрече. Наверное, еще и потому, что нельзя «упускать шанс» встретить друга — вспомните «Сандалика».

III

Разобраться в «секретах человеческого общения» я пыталась и «практически», и с помощью «заочных собеседников» — книг. Много было литературных открытий — Джек Лондон, Сент-Экзюпери («Планета людей», «Цитадель»), «Иллюзии» и «Дар крыльев» Ричарда Баха (который считал, что «не кровные узлы объединяют людей, а РАДОСТНОЕ ВНИМАНИЕ К ЖИЗНИ ДРУГ ДРУГА»)... Джек Фрэнсис — в его «детективных» романах «прячется» немало истин (очевидных и не очень), одна из любимых фраз на сегодня — «Принимай мир таким, какой он есть, и постарайся понять, сможешь ли Ты сделать его лучше». И умерший недавно Владимир Санин — именно у него я нашла то толкование дружбы, которое полностью совпало с моими взглядами: «Друг — это тот, кто радуется твоим успехам и печалится твоим неудачам. Тот, кто не бросит тебя в беде и тихо, не требуя платы за дружбу, отойдет в сторону, когда тебе хорошо. Тот, кто тянется к тебе, зная, что ты тянешся к нему; тяга эта бескорыстна и чиста, она душевная потребность, она дает тебе радость» («За тех, кто в дрейфе»). Вот это — моя «максима».

IV

В свое время меня сильно «зацепила» повесть «Столкновение обстоятельств», написанная компанией «выпускников казанских и неказанских вузов» (скрывшихся под псевдонимом «Ришат Садиев») и опубликованная в «Студенческом меридиане» (№№ 9-10, 1986). Пересказывать не буду — найдите, не пожалеете!!! — но заключительными ее строчками закончу и свои «размышления»: «Просто брякнет потом кто-то: до каких же пор разметанным по жизни интеллигентам российским требую будет светопредставление, чтобы встретить друг друга — и не проглядеть?...» Может, это относится ко всем нам?...

К настоящему моменту вышли следующие книги:

Легенда о Хранителе [Легенда о Хранителе (Выстрел с монитора); Гуси-гуси, га-га-га...]

Крик петуха [Застава на Якорном поле; Крик петуха.]

Лунная рыбка [Белый Шарик Матроса Вильсона. Лунная рыбка (Сказки о рыбаках и рыбках).]

Лето кончится не скоро [Лощман. Лето кончится не скоро.]

Голубятня на желтой поляне [Голубятня в Орехове. Праздник лета в Старогорске. Мальчик и ящерка.]

С САМИМ СОБОЙ

лом. В этот самый миг человек обретает одиночество.

Второй, следующий за первым — из рук (уст, глаз, ушей) всех людей, с которыми сводит и сталкивает жизнь. Это — ощущение достоверности собственного бытия.

любви, замененной, если можно так выразиться, любовным ритуалом.

Таковы последствия превращения семейных (и не только семейных) коммуникаций в ритуал. Я привыкаю к родственникам, особенно близким, с которыми живу под одной крышей, как к самому себе; как и от самого себя, я не жду от них ничего нового, я, как говорится, знаю их как облупленных. Они — мой двойник, мое подобие. Так с какой же стати стану я к ним присматриваться и прислушиваться? Кому придет в голову лезть во все глаза на самого себя? В процессе семейного общения глаза и уши отмирают у меня за ненадобностью, и путеводной нитью в лабиринте родственных коммуникаций становится раз и навсегда установленный обряд.

Такое общение как раз и ведет к хронической неподтвержденности, хроническому неудовлетворению базовой потребности индивида в подтверждении объективной достоверности собственного бытия.

Жажда подтверждения с годами не ослабевает; это потребность, которая владеет человеком всю жизнь. Ей подчинена львиная доля, если не вся совокупность, наших деяний и поступков — от самых благородных и героических до самых подлых и дурных. Чтобы привлечь к себе недостающее внимание, можно сочинить «Илиаду», но можно и поджечь Рим. Лучше совершить что-то очень дурное и порицаемое, чем

оставаться неслышанным и неувиденным. Ибо никакое порицание не идет по своим психотравмирующим свойствам в сравнение с неподтверждением моего бытия другими людьми.

Дабы убедиться в универсальности этого критерия, достаточно мысленно эксперимента: представьте, что вас, при всей очевидной достоверности вашего бытия для вас самих, окружающие перестали вдруг слышать, видеть, вообще воспринимать, да к тому же еще и начисто о вас забыли. И никакими силами и ухищрениями не удается сделать себя видимым и слышимым. Что будет с вами?

Эксперимент только кажется простым. На деле он труден, так как довести его до конца мешает страх. Добросовестный же экспериментатор признает, что самый вероятный исход — сойти с ума или покончить с собой (что, собственно, одно и то же).

Однако мудрый укажет на третью возможность — пуститься в скитания, удалиться от людей, от устоявшегося круга общения. Что и делают полностью либо частично многие из тех, кто на себе испытал боль неподтвержденности и нашел в себе мужество до конца испить сию чашу.

Это люди, признавшие свое одиночество.

Истинное мужество — это смелость оставаться в одиночестве. Оно означает осознанное понимание того факта, что ты один и иначе быть не может.

Учись общению с собой. Оно поможет тебе отказаться от привязанностей и найти среди людей любовь.

Люби себя. Не жалея на себя ни сил, ни времени, ни денег, ни трудов. Это и есть твой бесценный дар ближнему. Ибо сказано: «Возлюби ближнего своего, как самого себя». Как самого себя? Как возлюбишь ты ближнего своего, если не полюбил себя?

Не упускай возможности прожить среди людей тихо и бесследно, не оставив в их памяти и сознании. Радуйся не своей власти над ними, а собственной власти над собой, удерживающей тебя от непрошенных «вкладов» в их судьбы.

Помни одиночество, осознанное и принятое, — это праздник индивидуальности.

Таковы заповеди, которыми мне хотелось поделиться с читателем. Их можно принять, их можно отвергнуть. Одно только могу сказать с чистой совестью: в них нет лжи. Ибо только слова, заготовленные специально для других, но не подходящие для обращения к себе, есть ложь. Здесь же я собрал самое ценное из всего, что могу сказать людям, — то, с чем обращаюсь к себе самому.

Можно либо обманывать себя, либо жить с этим фактом.

Одиночество — это, стало быть, не индивидуальное явление, не особенность индивидуальной биографии, а объективный всеобщий факт живого бытия — независимо от того, сознается он индивидом или нет. В отличие от покинутости одиночество — не личная проблема. Одиночество и покинутость — вещи не только разные, но и враждующие между собой. Чувство покинутости — нечто вроде болезни, мешающей осознанию одиночества.

Чувство покинутости появляется тогда, когда вы бежите от одиночества, когда вы не готовы принять его. Если вы не принимаете факта одиночества, тогда вы чувствуете себя покинутым. Тогда вы ищете какую-то толпу или иные способы опьянения, чтобы забыться. Покинутость создает свои волшебные способы забвения.

Если вас тревожит одиночество, или, другими словами, вами владеет чувство покинутости, ощущение неподтвержденности — не торопитесь в клуб «Кому за...», к электронной сводне либо к другим электронным и неэлектронным добротам, которые вызовутся облегчить вам оставшуюся жизнь.

Вместо этого постарайтесь увидеть полноценного собеседника в себе самом. Познакомьтесь с самим собой, научитесь слушать себя и слышать свой голос; поймите, что ваш собственный голос авторитетней для вас, чем любой другой; научитесь не бояться разговоров с самим собой, научитесь чутко и преданно заботиться о себе, оказывая себе разнообразие услуги, доверять себе и не обманывать своего доверия — и еще тысяче разных вещей, которым вы не успели научиться хотя бы потому, что крайне редко сталкивались с ними в процессе общения с другими людьми.

(«Знание-сила», № 8, 1994)

• КНИЖНАЯ ПОЛКА

Желающие приобрести трилогию Владислава Крапивина «Острова и капитаны» (2тт из шеститомника Свердловского издательства; во 2-й том также входит «Синий город на Садовой»), пишите *Сергею Быкову*: 630060, Новосибирск, ул. Лесосечная, д.б. 119

Книги Владислава Крапивина из нового издания «Центрополиграф» можно заказать по адресу: 111116 Москва а/я 3А0 «Центрополиграф»; на обороте карточки указать название книг и количество экземпляров.

История моей ушибленности

Размышления о поиске Настоящего Друга

Настоящая дружба возможна только между равными. Между равными — это слово действует мне на нервы; какую доверчивость, надежду, благоухание, надежду оно обещает человеку, который постоянно по необходимости живёт один; человеку, который совсем «другой» и никогда не находил никого, кто бы был его расы. И несмотря на это, он хороший искатель, он много искал... О, внезапное безумие этих минут, когда одинокому казалось, что он нашёл друга, и держит его, сжимая в своих объятиях...

Из переписки Ницше с сестрой. Выделено Ницше.

Ришат Сайфутдинов, Уфа

Мать, отпусти сына, ты уже не можешь ему. Жди и молись: может быть, он ещё вернётся, если найдёт, кого ищет. Дорога — только для него, и он должен пройти её один. Разделить её с ним может лишь такой же, как он. Чем ближе будут они, тем дальше вместе пройдут, но ещё не было прошедших Дорогу вдвоём до конца. Чем больше ему дано, тем труднее будет дорога одному, но и тем дальше он пойдёт. Будет дорога — будут и силы...

За всё время своего существования «Та Сторона» опубликовала немало интересного, но одна статья была для меня более чем интересна — я говорю об «Ушибленных Одиночеством» Сергея Лукьяненко. («Это про нас с тобой, Ришат!» — из письма Юры Никитина). Прочитав её, я был потрясён: она открыла мне глаза на себя же, себя такого, какого не было смелости увидеть раньше.

Как же я стал «ушибленным»? Из всех книг ВПК главной в этом отношении стала «Голубятня...», прочитанная не раз. Постепенно стало ясно, что этот роман вызывает не только удивление от хорошей книги вообще, но *что-то ещё*; это *что-то* я находил и в других книгах ВПК, оно притягивало меня, вызывало непонятное волнение. Скоро я понял, что я хочу таких же отношений с людьми в своей жизни. Но рядом почему-то не было никого, с кем можно было бы дружить как, скажем, с Игнатиком или Геликом Травушкиным. Возникла первая догадка: эти книги отличаются от обычной жизни — они лучше.

Привязанность к книгам росла, переросла в культ; проснулась предрасположенность к пессимизму и трагическому восприятию себя в мире; всплыли некоммуникабельность и комплекс неполноценности. Позже пришла склонность к эпатажу, я стал выставлять напоказ свою непонятность, уходить в себя. Начал думать: «Таких людей, наверно, не бывает в действительности, или они очень редки. Видимо, мне суждено прожить без них, одному». Стал идеализировать личность ВПК, отряд «Каравелла», а заодно и Юру Никитина (с которым до поездки в Екатеринбург был знаком только по переписке).

Мой ушиб набирал обороты и уже мог вызвать солидную депрессию. «И казалось, что лучше умереть на “Сорока островов” или на Планете от нашествия, лишь бы быть рядом с героями этих книг» — из письма Юры. Там хорошо, но нет пути туда — классическая схема романтического двоемрия. Выпуски альманаха — весточки с *той стороны*, книги ВПК — прекрасны, как мечта о несбывшемся. Тоска по Гелику — привычна и постоянна, уже часть меня. Гелика давно нет, я опоздал родиться, мне не дано его увидеть. *Это — там. А здесь?*

Здесь — привычно-уныло. Я в луже, куда сам себя завёл. Холодно, но привычно, даже начинает нравиться. Менять себя трудно и неохота. Ушибленный нигилизм: зачем знакомиться с кем-то из клуба? (*Вообще — зачем клуб?*) Лучше не искать, чтобы избежать разочарований. (Хотя когда знакомишься с кем-то, похожим на него, о принципах не думаешь. Жадно общаешься, забыв о себе, пока не видишь, что это не он. Пока не перерастаешь привязанность. Может, это путь?) *Его* нет на этой планете, в этом мире. Любые знакомства будут только самообманом, явятся лишь попыткой забыть о *нём*, но в то же время могут стать изменой *ему*.

Далее — некоторый поворот. В руки мне попадают книги Николая Козлова (позже я начну ходить в Синтон). Хватает смелости сказать себе: «во всем виноват только ты сам, надо выбираться из спартакусы». Пробую рассказать о себе людям. Срываюсь на эпатаж: рассказать поначалу некому, меня не понимают, я — не такой, как все. Появляется ощущение, что кричу о себе безликой толпе. Фанатичная привязанность к книгам ВПК постепенно сменяется более здоровой критикой. Действительно, книг ВПК написал много, они

Максимы

- Одиночества нет в природе. Понятие одиночества не универсально, но определено/придуманно человеком. От животного человек отличается тем, что он сознаёт себя. Из мысли «я есть» необходимо следует «я один», а отсюда — «я одинок». Посмейся же теперь над собой, страдающим от придуманного тобой же.
- Каждый одинок настолько, насколько одиноким себя считает.
- Кого ты назовёшь Настоящим Другом? Такого же, как ты? Естественно, такого же больше нигде нет. А зачем тебе его существование?
- Роскошь общения с Настоящим Другом даётся лишь тому, кто дорос до него, то есть научившемуся обходиться без него. Парадокс в том, что как раз достойный Настоящего Друга в таком не нуждается. Достоин ли ты *его*? Нужен ли *он* тебе?
- Одиночество двуедино. Если ты одинок психологически, то Настоящим Другом тебе может стать любой хороший психолог; если ты одинок философски, то в зависимости от того, сколько тебе дано знать, ты найдёшь Друга либо во всех людях, либо ни в ком. Знание сопряжено с печалью, но сколько тебе дано знать, решил ты же.

все не могут быть одинаково важными для меня. Привязанность к большинству из них пройдёт. Полезным оказалось и создание «противоядия» от «интоксикации» одиночеством в форме сборника максим в духе Ницше или Ричарда Баха — выберите, кто вам ближе. Ушиб рассасывается, хотя не до конца. (А пройдёт ли он совсем? Думается, что нет. По-моему, слегка ушибленным я останусь навсегда.)

Теперь можно решиться и на поездку в Екатеринбург, которая станет поворотным моментом. Из письма Юре по приезде обратно: «Сильный шок... Если бы поездка состоялась раньше, она могла бы стать фатальной». Из другого письма:

«...от объектов культа нужно держаться подальше... Рискнешь обнаружить, что они — не такие, какими их себе придумал».

Слегка ушибленным я останусь навсегда. И на улице всегда буду оборачиваться вслед, когда покажется, что только что навстречу прошёл он. Сейчас я часто перечитываю «Самолёт по имени Серёжка». Мой старый тезис: «Лучшие книги для меня — те, при чтении которых происходит наиболее полная самоидентификация с героем» здесь в силе: работает параллель между физическим недостатком Ромки (в первой половине повести) и моей ушибленностью.

Ау, Серёжка! Где ты, мой самолёт?

Р.С. Прошу прощения у Юрия Никитина, Олега Логачёва и Батыра Бикбулатова, переписку коих со мной я цитировал.

(Альманах «Та сторона», № 14)

НЕ ПРОГЛЯДЕТЬ БЫ НАМ ДРУГ ДРУГА

(размышления на заданную и вольные темы)

Юлия Налбандян *Ростов-на-Дону*

Не один раз я пыталась понять для себя причины человеческого одиночества. Пыталась сформулировать какие-то принципы человеческих отношений (конечно, по большому счету это давно известно — Монтеи и т.п., но каждый вновь и вновь решает ее сам)... Что-то набрасывала для себя и в связи с публикациями «Той стороны»... Подготовка к печати материала Ришата лишь подтолкнула к наведению порядка в собственных мыслях.

*Какая тонкая работа —
Счастливым сделать хоть кого-то,
Цветком удачу принести,
От одиночества спасти,
А самому потом тихонечко уйти.
Ю.МОРИЦ*

Когда в 70-е годы я «открыла» для себя книги Владислава Петровича Крапивина, то сразу «заразилась» принципом «всадников», попыталась последние строчки стихотворения «Всадники» (как ни странно, не слишком известного поклонникам Крапивина) — «В жизни места нет чудесам, хочешь чуда — будь всадником сам» — сделать правилом своей жизни. Этот девиз перекликался со словами Грина о чудесах, которые надо делать своими руками, с мыслями Сент-Экзюпери...

Если кто-то казался мне интересным — я старалась быть рядом с ним, делить с ним — по мере возможности — и проблемы, и удачу.

Иногда восторженное поначалу отношение сменялось грустным открытием, что «контакта» не будет — и тогда я

отходила в сторону, не дожидаясь разочарований или предательства; чаще — перерастало в крепкие приятельские отношения.

Пожалуй, у меня и сейчас нет идеального Друга — зато есть люди, с которыми мы понимаем друг друга, с кем мы можем подолгу не видеться — но я знаю: если случится беда, мне достаточно будет только подать сигнал SOS (надеюсь, что они так же думают обо мне). Это как у Сент-Экзюпери — «Быть может, жизнь и открывает нас от товарищей и не дает нам много о них думать, а все равно где-то они существуют — молчаливые, забытые, но всегда верные» («Планета людей»).

Да, «ничего нет в мире
(На стр. 6)

Случайный номер

СЕРГЕЙ МАХОТИН

Я диск телефонный крутил наугад,
И дождь за окошком бранил.
Вдруг голос раздался:
«Алешка? Я рад!
Отлично, что ты позвонил!»

— Да я не Алешка...
«Не слышу, хоть плачь!
Ты громче давай говори!»
— Сергей я!..
«Ты знаешь, сегодня был врач.
Я выпишусь дня через три.

Ну, как вы там все?
Я соскучился — жуть!
За месяц хоть кто бы зашел!..
Эй, ты меня слышишь?
Скажи что-нибудь».
— Да, слышу тебя хорошо...

«Послушай,
А может, возьмешь и зайдешь —
Чего дожидаться три дня?
Ах, дождь, я забыл...»
— Ну, подумаешь, дождь,
Но адреса нет у меня.

«Гагарина, семьдесят.
Старенький дом.
Как входишь —
центральная дверь».
— Я правда зашел бы..
Но дело ведь в том,
Что я не Алешка, поверь.

«Я сам уже понял, что это не он.
Хотя все равно буду рад...»

— Ну ладно, ставь чайник.
За мною — лимон.
Как звать тебя, кстати?
«Марат!!!»